

Wojciech Chlebda
Uniwersytet Opolski

ОПОЛЬСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В библиографическом указателе Катажины Воян¹, который, несомненно, послужит ценнейшим источником для создания в будущем истории польско-русской и русско-польской лексикографии, читатель найдёт данные о более чем 900 изданных в Польше переводных словарей, одним из языков которых является русский. Библиография охватывает 210 лет — с 1795 по 2005 гг., а разделение материала по декадам наглядно демонстрирует, с какой интенсивностью работали лексикографы в отдельные периоды истории. Особый интерес вызывают данные о том, как развивалась отечественная польско-русская лексикография после 1989 года, ознаменовавшего, с одной стороны, открытие доступа к свободному рынку (и в плане свободы слова, и в плане свободного издательского дела), с другой, начало периода существенных перемен в сфере польской русистики: из школ был выведен русский язык как предмет обучения, началось падение интереса к русской филологии как университетской специальности, были закрыты магазины советской книги, с рынка исчезла русскоязычная печать, из кинотеатров — советский фильм и т.д.² Можно было ожидать, что в данной ситуации кризис польско-русской лексикографии неизбежен ввиду существенного снижения или даже полного отсутствия спроса на ее продукцию — переводные словари.

Однако маятник, резко качнувшийся в 1989–1990 гг. вправо, постепенно стал возвращаться — но не в крайне левое, а промежуточное,

¹ См.: K. Wojan: *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2006.

² По этому вопросу см., напр.: R. Łuźny: *Być rusycystą w Polsce — dziś*. «Krytyka. Kwartalnik Polityczny» 1989, nr 31, с. 140–154; W. Figarski: *Język rosyjski w Polsce — fakty i mity*. «Przegląd Rusycystyczny» 2008, nr 1, с. 84–97; W. Chlebda: *Rusycystyka polska w powojennej perspektywie*. В кн.: *Zmierzch Herdera. Filologiczne podstawy slawistyki*. Ред. J. Baluch, A. Pająk. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego 2010, с. 89–97.

скорее выцентрированное положение. В определенной мере это отражает статистика, представленная в библиографическом указателе Катажины Воян. Если принять во внимание только лингвистические переводные словари с использованием русского языка, то в 1990–2005 гг. их появилось 180, в том числе в 1990–1999 годах — 72 словаря, а в 2000–2005 годах — 108 словарей (более красноречив пересчёт, согласно которому в 1990–1999 гг. в среднем публиковалось 7,2 словаря в год, в 2000–2005 гг. — 18 словарей в год). Эти цифры внушительны и показывают, какая трудная задача стоит перед исследователем, который в будущем захочет синтетически охарактеризовать всю эту лексикографическую продукцию.

Что касается изданий 2006–2015 годов, не отражённых в библиографическом указателе Катажины Воян (он заканчивается 2005-ым годом), то следует отметить такие фундаментальные работы, как, например, два обратных словаря переводных пар *Большого русско-польского словаря* под ред. Яна Вавжинчика, разработанные Петром Вежхонем³, или *Большой польско-русский и русско-польский словарь* Сергея Хватова и Николая Тимошука⁴. Создаётся, однако, впечатление, что после появления на польском рынке больших переводных словарей⁵ спрос на такие словари был удовлетворён, и в прошедшее десятилетие внимание переводных лексикографов сосредоточилось на словарях специального характера, заполняющих словарные ниши и лакуны. Нередко эти специальные словари публикуются в малоизвестных издательствах (например, в вузовских) и небольшими тиражами, без шумной и профессиональной рекламы. В качестве примера можно привести одну из таких «нишевых» лексикографических инициатив, впервые реализованную в 2006 г., т.е. уже после издания указателя Воян. Быть может,

³ P. Wierchoń: *Indeks a tergo jednostek przekładowych «Wielkiego słownika rosyjsko-polskiego z kluczem polsko-rosyjskim». Porządek translatowy*. Warszawa: Wydawnictwo TAKT 2006; тот же: *Indeks a tergo jednostek przekładowych «Wielkiego słownika rosyjsko-polskiego z kluczem polsko-rosyjskim». Porządek translandowy*. Warszawa: Wydawnictwo TAKT 2007.

⁴ *Wielki słownik polsko-rosyjski rosyjsko-polski*. Ред. S. Chwatow, M. Timoszuk. Warszawa: Wydawnictwo REA 2008.

⁵ Напр., переиздание *Wielkiego słownika polsko-rosyjskiego* Дмитрия Гессена и Рышарда Стыпулы, а также *Wielki słownik rosyjsko-polski* Анатоля Мировича, Ирены Дулевичевой, Ириды Грек-Пабисовой и Ирены Марыняковой, упоминавшийся уже *Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim* под ред. Яна Вавжинчика и *Wielki słownik polsko-rosyjski* под его же редакцией вместе с двумя разработанными на его основе обратными словарями Петра Вежхоня, упоминавшийся *Wielki słownik polsko-rosyjski rosyjsko-polski* Хватова и Тимошука, наконец, два больших переводных фразеологических словаря 1998 года: Станислава Кароляка и под редакцией Юрия Люкшина.

настоящая информация пригодится для составления продолжения ценной разработки гданьской исследовательницы.

В среде опольских русистов не существовало традиции в области переводной лексикографии. До конца 1980-х гг. в Ополе был опубликован всего лишь один словарь с участием русского языка — *Материалы для словаря этнонимов русского языка* Геннадия Ковалёва⁶. Автор был приглашённым преподавателем, поэтому о его словаре трудно говорить как о произведении опольской лексикографической мысли; продолжения этой работы в Ополе не последовало. В 1975 г. была опубликована короткая статья Станислава Кохмана *Двухязычный фразеологический словарь*, посвящённая проекту современного на то время переводного словаря, реализация которого была запланирована опольскими и вроцлавскими русистами. Однако планы так и остались на бумаге, а сам текст, опубликованный в материалах конгресса МАПРЯЛ в Будапеште, был забыт и вновь опубликован лишь 30 лет спустя — в Ополе, в юбилейном сборнике работ Кохмана, посвящённых его 70-летию⁷.

Может сложиться впечатление, что изданный в Ополе в 2006 г. первый пробный выпуск *Настольного польско-русского идиоматикона*⁸ не является воплощением научно-исследовательской традиции опольской школы. Однако это не совсем так: уже в середине 1980-х гг. инициатор и редактор этого словаря (пишущий эти слова) был приглашён Яном Вавжинчиком для работы в группе лингвистов, занимающихся лексикографической критикой именно в контексте переводной польско-русской лексикографии⁹, а затем к сотрудничеству в работе над словарём *Польско-русские идиомы*¹⁰. Одновременно был опубликован *Русско-польский словарь крылатых слов*, правда, задуманный концептуально русскими фразеологами, однако реализованный на опольской почве¹¹. Описанный опыт и стал фундаментом, на котором возник опольский *Идиоматикон*.

⁶ G. Kowalow: *Materiały do słownika etnonimów języka rosyjskiego*. Opole: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu 1987.

⁷ S. Kochman: *Двухязычный фразеологический словарь*. В кн.: того же: *Studia nad słownictwem i frazeologią słowiańską*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego 2005 [1975], с. 305–311.

⁸ *Podręczny idiomatikon polsko-rosyjski*, z. 1. próbny. Ред. W. Chlebda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego 2006.

⁹ См., напр.: *Polsko-rosyjskie minucje przekładowe*. Ред. J. Wawrzyńczyk. Warszawa-Poznań: Wydawnictwo 1988; *Studia ze współczesnej leksykografii polsko-rosyjskiej*. Ред. J. Wawrzyńczyk. Toruń: Wydawnictwo UAM 1990.

¹⁰ W. Chlebda, A. Gołubiewa, T. Wielg, J. Wawrzyńczyk: *Idiomy polsko-rosyjskie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2003.

¹¹ W. Chlebda, W. Mokijenko, S. Szuleżkova: *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem 2003.

Идиоматикон представляет собой лексикографический комплекс, рассчитанный на 15 книг. Двенадцать из них — собственно словари, остальные три образуют околословарную «надстройку», составленную из работ разных авторов (из Ополе и других городов), затрагивающих близкую авторам *Идиоматикона* проблематику: вопросы выделения из текстов многолексемных единиц языка, вопросы межъязыковой эквиваленции, создания и использования в работе лексикографа компьютерных корпусов. На сегодняшний день опубликовано восемь словарей комплекса, семь из них были изданы как ежегодные выпуски *Настольного польско-русского идиоматикона*, восьмой же носит другое название — *Польско-русский словарь переводных пар* — и имеет иной характер: выпуски *Идиоматикона* содержат тематические разделы (в среднем, по 12 в каждом выпуске), словарь же переводных пар объединяет материал первых пяти выпусков *Идиоматикона* в едином алфавитном порядке и в другой графической конвенции. По моим подсчётам, этот сводный словарь насчитывает ок. 28 тысяч переводных пар, а с учётом выхода после его публикации 6-го и 7-го выпусков *Идиоматикона* в целом в опольском словарном комплексе русские переводные эквиваленты получило ок. 35 тысяч многолексемных (в подавляющем большинстве) польских единиц. Ниже приведены библиографические данные уже опубликованных частей словарного комплекса (выпущенных Издательством Опольского университета):

Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z. 1. próbny. Ред. W. Chlebda. Opole 2006, сс. 130.

Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z. 2. Ред. W. Chlebda. Opole 2007, сс. 184.

Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z. 3. Ред. W. Chlebda. Opole 2008, сс. 201.

Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z. 4. Ред. W. Chlebda. Opole 2009, сс. 242.

Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z. 5. Ред. W. Chlebda. Opole 2010, сс. 239.

Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z. 6. Ред. W. Chlebda. Opole 2013, сс. 179.

Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z. 7. Ред. W. Chlebda. Opole 2014, сс. 174.

Polsko-rosyjski słownik par przekładowych. Tom zbiorczy «Podręcznego idiomatikonu polsko-rosyjskiego» (z. 1–5). Ред. W. Chlebda. Opole 2014, сс. 756.

Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrzowych jednostek języka. Ред. W. Chlebda. Opole 2010, сс. 140.

Na tropach translatów. W poszukiwaniu odpowiedników przekładowych. Ред. W. Chlebda. Opole 2011, сс. 177.

Na tropach korpusów. W poszukiwaniu optymalnych zbiorów tekstów. Ред. W. Chlebda. Opole 2013, сс. 124.

Для полной реализации задуманного комплекса авторам предстоит разработать и опубликовать ещё три выпуска (8–10) *Идиоматикона* и второй сводный словарь, охватывающий в алфавитном порядке материал выпусков с 6-го по 10-ый.

Для авторов¹² данного словарного комплекса его качественный статус важнее количественных характеристик. Важно установить, является ли *Идиоматикон* в отечественной переводной лексикографии явлением качественно новым, а если да — то что нового вносит он в имеющую, как следует из указателя Катажины Воян, столь богатую традицию польско-русскую лексикографию.

В 2016 г. исполнится 10 лет со дня выхода в свет 1-го выпуска *Идиоматикона*; для первой синтетической характеристики словаря это весьма подходящий предлог. Нельзя сказать, что публикация опольского *Идиоматикон*, не вписывающегося, правда, в магистральное направление работы в области отечественной лексикографии, прошла в Польше совсем незаметно. Самым глубоким из откликов стала развернутая рецензия Петра Вежхоня¹³. Ян Вавжинчик, несмотря на критические замечания (особенно в адрес 6-го выпуска словаря и словаря переводных пар), назвал *Идиоматикон* «новым лексикографическим качеством» и отметил, что «*Идиоматикон* вносит значительный вклад в создаваемую поколениями лексикографов целостную, полную картину польско-русских переводных отношений»¹⁴. Положительные оценки сборнику *По следам транслятов* — органической части комплекса *Идиоматикона* — дали в развернутой рецензии известные теоретики перевода Валентина Кульпина и Виктор Татаринов¹⁵.

С точки зрения авторов-создателей комплекса, опольский *Идиоматикон* отличает ряд особенностей.

Во-первых, *Идиоматикон* представляет собой фразеологический словарь, хотя далеко не в традиционном (стандартном) понимании термина «фразеология». Разделяя мнение Анджея Богуславского, Петра Вежхоня и некоторых других языковедов, мы считаем, что вне границ фразеологического канона (относительно малочисленного) находится огромное (насчитывающее, по всей вероятности, сотни тысяч, если

¹² Авторский коллектив *Идиоматикона* состоит из постоянных сотрудников и авторов лишь отдельных разделов словаря; в него входят (в алфавитном порядке): Данель Борисовски, Барбара Хлебда, Войцех Хлебда, Ирена Данецка, Божена Дерень, Лиляна Дроздзик, Лукаш Грабовски, Элиза Квещень, Радослав Марцинкевич, Артур Матковски, Тамара А. Милютина, Алиция Пшишляк, Ядвига Тарса, Томаш Вельг, Францишка Витковска-Михна.

¹³ P. Wierzchoń: <wreszcie> *Coś nowego!*, «Język, Komunikacja, Informacja» 2008, nr 3, s. 177–207.

¹⁴ J. Wawrzyńczyk: *Ku rzetelnej leksykografii par przekładowych*. Warszawa: Mila Hoshi 2015, s. 8.

¹⁵ В.Г. Кульпина, В.А. Татаринов: *О реконцептуализации проблем перевода и переводной лексикографии в трудах польских языковедов*. «Вестник Московского университета», серия 22 «Проблемы перевода» 2014, nr 2, с. 171–192.

не миллионы единиц) пространство готовых, формально и семантически устоявшихся вербальных последовательностей, образующих основную массу материи языка¹⁶, в незначительной, однако, степени зафиксированных и описанных одноязычной (и в ещё меньшей степени переводной) лексикографией. Я отношу такие последовательности к «непрототипным фразеографическим объектам»¹⁷ — таким, как, например (в польском языке):

ile i ile kresek [o temperaturze ciała]
Pe razy mam ci mówić, że<byś> __ .
Peż to roboty?
Jakieś pytania?
Jeszcze niedawno wydawało się, że __ .
jeśli już, to __
__, jeśli w ogóle.
jeżeli __ pozwoli
Już cię tu nie ma!
Nie jestem głodny.
gdzie nie ma zasięgu
co nie nadaje się do powtórzenia
Nie od dziś wiadomo, że __ .
Nie zmienia to faktu, że __ .
Ofiar w ludziach nie było.
pianka do układania włosów
po 11 września <2011 roku>
(podpis nieczytelny)
«Pogoda dla bogaczy» [tytuł]
Powiem tak: __ .
Proszę pukać!

Область таких единиц языка — нередко игнорируемых, вызывающих сложности и затруднения у исследователей — и составляет главное поле интереса и научного поиска авторов *Идиоматикона*. Отмечая их на страницах нашего словаря и устанавливая (нередко с большим трудом) для такого рода единиц русские переводные эквиваленты, мы

¹⁶ По словам Игоря Мельчука, люди общаются не с помощью слов, а фразем, т.е. повторяющихся многолексемных образований, отличающихся высокой частотностью в данном типе текстов (I. Mel'čuk: 1995, *Phrasemes in language and phraseology in linguistics*. В кн.: *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Ред. M. Everaert, E.-J., Van Der Linden, A. Schenk, R. Schreuder. Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum 1995, s. 167–232). Аналогичную концепцию развивает в Польше с 70-х гг. 20 в. Анджей Богуславски (см., напр.: A. Boguslawski: *Uwagi o pracy nad frazeologią*. В кн.: *Studia z polskiej leksykografii współczesnej*. Т. 3. Ред. Z. Saloni. Białystok: Dział Wydawnictw Filii UW 1989, с. 13–29).

¹⁷ См.: W. Chlebda: *O nieprototypowych obiektach frazeografii*. В кн.: *Speculum Linguisticum*. Vol. 2. Ред. M.A. Iwanowski. Warszawa: Wydawnictwo BEL Studio 2014, с. 23–44.

присоединяемся к тем вышеназванным и немногим другим лексикографам, которые возводят эти единицы в ранг полноправных объектов лексикографического описания.

Во-вторых, работа по выделению подобных объектов и установлению их русских эквивалентов верифицировала и упрочила концепцию репродукта как — в данном случае — единицы фразеографического описания. Репродукт — «единица языка, выделенная из текстов на данном языке на основании факта ее регулярной повторяемости в этих текстах в функции вербализатора определённого смыслового потенциала (понятия, суждения, интенции, эмоции)»¹⁸. Определение «репродукт» применительно к многолексемным образованиям позволяет избежать терминов «фразеологизм» и «фразаема», ставших уже семантически размытыми, и постепенно становится все более употребимым в польских работах по исследованию системы языка и её отражению в словарях. Работой над концепцией репродукта (точнее, концепцией «языковых продуктов и репродуктов») и её словарной верификацией авторы *Идиоматикона* включились в живую дискуссию по понятиям «единицы языка» и «языковых продуктов», которая ведётся в польской лингвистике уже несколько десятилетий.

В-третьих, хотя нет работ, которые путём межсловарных сопоставлений определяли бы состояние лексикографической кодификации («отмечаемость») ресурсов польского или русского языков (особенно степень совпадения / несовпадения словников существующих на рынке словарей¹⁹), интуиция и первые подсчёты позволяют оценивать, что ок. 70–75% содержания *Идиоматикона* никогда раньше не становилось объектом лексикографического описания — ни в сопоставительном аспекте, ни даже в одноязычном (польском или русском). Если в *Идиоматикон* на сегодняшний день включено 35 тысяч единиц, то можно сказать, что комплекс поспособствовал выделению и кодификации не менее 20 тысяч новых единиц языка²⁰, причём существенен факт, что речь идет о новых:

¹⁸ *Na tropach reproductów. W poszukiwaniu wielowrazowych jednostek języka*. Ред. W. Chlebda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego 2010, с. 140.

¹⁹ В своё время я пытался показать, как можно определять т.н. показатель и коэффициент отмечаемости единиц языка в словарях (см.: *Na tropach reproductów. W poszukiwaniu wielowrazowych jednostek języka*. Ред. W. Chlebda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego 2010, с. 129–131), однако этот метод достаточно затратен с точки зрения времени и усилий, поэтому имеет смысл применять его лишь к небольшим образцам объёмом в несколько десятков единиц языка.

²⁰ Относительно кодификации единиц языка в словарях, следует различать их новизну безотносительную и относительную. Первая относится к единицам реально новым в языке (истинные неологизмы), которые в силу своей новизны и не могли быть

- а) 20 тысячах единиц польского языка;
- б) 20 тысячах единиц русского языка;
- в) 20 тысячах польско-русских переводных пар.

Авторы *Идиоматикона* продвигают постулат, что выделение и параметризация единиц исходного (здесь — польского) языка представляет собой органическую составляющую переводной (здесь — польско-русской) лексикографии, а работа над переводным словарём позволяет увидеть исходный (польский) язык в новом, неизвестном ракурсе.

В-четвёртых, в *Идиоматиконе* зафиксирована лексикографическая ценность целых полей единиц языка, не бывших ранее зонами лексикографической кодификации. К ним относятся, среди прочего, адресативы (формы обращения к другим лицам), фатизмы (формы начала, поддержания и конца контакта), городские и бытовые надписи (вывески, предупреждающие знаки, надписи на упаковках, дисплеях компьютеров и телефонов и т.п.), собственные названия (антропонимы, напр. в виде трёхчленных репродуктов «имя + отчество + фамилия»), прозвища, топонимы, географические перифразы, идеонимы типа заглавий и названий произведений литературы, музыки, живописи, кино), готовые фразы из повседневных диалогов и т.п.

В-пятых, *Идиоматикон* и его алфавитный вариант — словари лексикографических предложений, а не раз и навсегда установленных и навязанных пользователям решений (пользователя мы считаем в большей степени «просumenten», чем «консументом» словаря). Предложения охватывают не только зону переводных эквивалентов (правую сторону словаря), но и — что не так уж очевидно — зону единиц, называемых в польской терминологии «трансляндами» (исходными единицами). В ходе многократных межтекстовых сопоставлений устанавливается реальная форма этих единиц, образуемая всеми реально репродуцируемыми в речевых актах компонентами; эта форма нередко отличается от формы тех же единиц в существующих словарях (ср., напр., **nie od rzeczy byłoby / będzie** со в *Идиоматиконе* — и **nie od rzeczy** в отдельных других словарях; ср. также: **kto / co stworzył co / kogo na obraz i podobieństwo kogo / czego** в нашем словаре — и **na obraz i podobieństwo czyje** в других словарях польского языка). Верифицированные таким образом исходные единицы польского языка влияют, соответственно, и на форму их русских эквивалентов.

отмечены в словарях. Вторая относится к единицам, функционировавшим в языке, но в силу определённых причин (требующих отдельного рассмотрения) не попали на страницы словарей; таким образом, они представляют собой новинки не по отношению к ресурсам языка, а лишь по отношению к словарям. *Идиоматикон* содержит единицы обоих этих типов.

В-шестых, новые формы исходных единиц — порой весьма сложные — заставили авторов *Идиоматикона* искать новые решения в области метаязыка их описания. К самым существенным предложениям и инновациям мы относим следующие:

а) последовательно различаются постоянные и переменные компоненты каждого репродукта, причём для постоянных применяется жирный шрифт, для переменных — простой курсив:

kto składa komu gratulacje z okazji czego
kto поздравляет кого с чем
co o średnicy ili cali
что диаметром в сколько дюймов

б) специальными символами (▶ / ◀) отмечаются границы заменяемости компонентов в репродуктах с вариантными формами:

kto otrząsnął ▶ pył / proch ◀ z ▶ nóg / stóp ◀ <swóich>
kto отряс пыль ▶ от ног <своих> / со своих ног ◀
Zachmurzenie duże z większymi przejaśnieniami.
 ▶ Облачная погода / Облачно ◀ с прояснениями.

в) в случае глагольных оборотов последовательно применяется форма 3-го лица единственного числа глагола вместо традиционного инфинитива (ср. выше *kto składa komu gratulacje z okazji czego* вместо **składać gratulacje**, как в большинстве словарей). Во время работы над сводным алфавитным словарём мы стали применять инфинитив, но в другой, чем привычная, функции: он стал т.н. «наводящим словом», позволяющим компьютеру упорядочивать обороты по первой букве глагола, а не местоимённого маркера:

ukłonić się: kto uklonił się komu w pas
kto отвесил поясной поклон
wołać: co woła o pomstę do nieba
что вопиет к небу
wziąć: kto wziął udział w czym
kto принял участие в чём

Наводящие слова применяются также в случаях единиц, начинающихся со служебной части речи, например, предлога:

panowanie: **za panowania** *kogo*
в царствование *kogo*
 schyłek: **u schyłku** *czego*
на исходе *czego*

tryb: w trybie jawnym
явочным порядком

Другие предложения по способам записи единиц левой и правой сторон словаря были детально представлены во введении в *Польско-русский словарь переводных пар*.

В-седьмых, в отличие от других переводных словарей *Идиоматикон* представляет собой комментированное пособие: его многочисленные предложения снабжаются сносками (подчас весьма обширными), описательно поясняющими или уточняющими информацию, главным образом, лингвострановедческого характера (кроме того, в случае необходимости короткие фактографические данные и/или 2–3-словные микродефиниции даются непосредственно рядом с заглавной единицей в квадратных скобках).

В-восьмых, безэквивалентные исходные единицы помечаются в *Идиоматиконе* знаком ноля на месте эквивалента (вместо него). После этого знака открываются квадратные скобки, в которых даётся точная фразеологическая калька данной исходной единицы:

Uderz w stół, a nożyce się odezwą.
Ø [Ударь о стол, и ножницы отзовутся.]
cięty jak ▶ mucha / osa ◀
Ø [язвительный как ▶ муха / оса ◀]

Знак ноля предупреждает пользователя, что в русском языке не существует системного эквивалента данной польской единицы; в то же время, этот знак говорит о возможности использования в переводимом тексте данной кальки, но вместе с оператором («коннотатором чуждости») типа *как говорят поляки, как говорится в Польше*. Это позволяет избежать ситуации, в которой в качестве эквивалента словарь вводит искусственные образования, придуманные лексикографом (что не редкость в существующих переводных словарях). Одновременно знак ноля делает наглядным масштаб межъязыковой асимметрии в области номинативных средств двух языков.

В-девятых, для своего словаря авторы *Идиоматикона* избрали систему издания, иногда называемую «голландской»: каждый выпуск представляет собой отдельное целое, но тематические разделы отдельных выпусков постепенно образуют целое более высокого порядка²¹. Такая

²¹ Такое «целое более высокого порядка», возникшее как сумма разделов очередных выпусков *Идиоматикона*, образует, напр., словарь заглавий (сегодня ок. 1400 единиц из шести выпусков словаря). «Словарём в словаре» является также польско-русский словарь антропонимов, сложившийся из соответствующих разделов всех семи выпусков

система позволяет издавать все новые выпуски словаря, что существенно ввиду динамического увеличения ресурсов обоих языков и огромного количества тематических полей, до сих пор остающихся вне рамок словарной кодификации. В польской переводной лексикографии т.н. голландская система является издательской новинкой.

В-десятых, новшеством в польской науке являются также два «стратегических» решения авторов *Идиоматикона*:

1) создание и публикация словаря параллельно с его теоретической «надстройкой» в отдельных, но одновременно издаваемых книгах; эту надстройку, как уже было сказано, образуют сборники работ, авторы которых ставят по отношению к данному словарю (а также другим словарям, опубликованным и только планируемыми к изданию) существенные теоретические и практические вопросы современной переводной лексикографии, металексикографии и лингвистики вообще.

2) передача в руки пользователей одной и той же языковой материи в двух различных, но параллельных изложениях, или трактовках (лексикографических нарративах): понятийной, или тематико-алфавитной (в *Идиоматиконе*), и только алфавитной (в *Словаре переводных пар*). Оба изложения комплементарны, показывают ту же материю языка в различном освещении, а операция превращения тематического *Идиоматикона* в алфавитный *Словарь переводных пар* дала толчок для теоретических рассуждений по превращаемости словарей вообще²².

На сегодняшний день ещё рано искать ответ на вопрос, является ли вклад *Идиоматикона*, его алфавитного варианта и трёх книг теоретической надстройки в новейшую польско-русскую переводную лексикографию действительно качественно новым (а если да — то какой именно и в каких лексикографических аспектах); сохранят ли словари актуальность в долгосрочной перспективе («медленной истории»), когда время — т.е. опыт практического общения пользователей со словарями — верифицирует реальную пригодность их теоретических посылок, практических предложений и решений. *Идиоматикон*, вне сомнения, сообразует красочную палитру современной польской переводной лексикографии, вписывается во внушительный ряд новых переводных словарей. Их периодическая каталогизация и будущая со-

Идиоматикона. По всей вероятности, по окончании работы над опольским словарным комплексом оба словаря будут изъяты из отдельных выпусков и, после верификации, обработки и пополнения, опубликованы как самостоятельные переводные словари.

²² См.: W. Chlebda: *O przekształcalności słowników. Tezy*. В кн.: *Konfrontacje słownikowe. Nowe fakty, nowe idee. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi Henrykowi Fontańskiemu z okazji 65. rocznicy urodzin*. Ред. J. Lubocha-Kruglik, M. Borek. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego 2013, с. 151–158.

поставительная характеристика²³ покажет истинное место опольского словарного комплекса в этом ряду.

Wojciech Chlebda

OPOLSKIE PROPOZYCJE
W DZIEDZINIE POLSKO-ROSYJSKIEJ LEKSYKOGRAFII

Streszczenie

Okres transformacji ustrojowej w Polsce po roku 1989 to czas licznych przemian także w dziedzinie leksykografii przekładowej. W artykule została scharakteryzowana jedna ze znaczących dla tego okresu inicjatyw w zakresie leksykografii polsko-rosyjskiej: kompleks słowników zatytułowany *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Jest to zwarty zespół piętnastu słowników wraz z towarzyszącymi im teoretycznymi komentarzami, zorientowany przede wszystkim na kodyfikację tzw. nieprototypowych obiektów frazeologicznych. Autor pokazuje co nowego wnosi ów *Idiomatykon* do leksykograficznego metajęzyka opisu i metaleksykografii.

Wojciech Chlebda

ON POLISH-RUSSIAN LEXICOGRAPHY: SOME PROPOSALS FROM OPOLE

Summary

Since 1989, the period of political and economic transformation in Poland has brought a number of significant changes also to the field of bilingual lexicography. In this paper, the author describes one of the most significant works completed in that time, namely a dictionary package known as *The Polish-Russian Idiomatikon (Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski)*. Composed of 15 volumes, this lexicographic work is a collection of dictionaries and theoretical commentaries addressing various problems related to codification of non-prototypical phraseographic items. The author discusses the very contribution of the *Idiomatikon* to the field of meta-lexicography, notably in terms of meta-language used for lexicographic description.

²³ Методологические предложения по сопоставительной характеристике лексикографических разработок я представил в статье *Об одной возможности сопоставительного исследования словарей*, которая будет опубликована в 2016 г. в юбилейном сборнике в честь проф. Яна Мёдека.